

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

ВЕНГЕРСКИЙ ЦЕНТР РУСИСТИКИ

**НАБЛЮДАТЕЛЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И
ЛЕТОПИСЕЦ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

С позиций социологии науки принципиальное значение имеет ряд проблем, обычно не становящихся предметом изучения историков: институционализация науки, преемственность научных школ — их методов и концепций, профессионализм исследователей, академическая мобильность, круг рассматриваемых вопросов, их изменение с течением времени, обеспечение педагогического процесса и научного лидерства. Между тем, это именно те вопросы, которые позволяют понять место науки в самосознании общества и его развитии, ответить скептикам, подвергающим сомнению вклад гуманитарных дисциплин в формирование научной картины мира, его рациональное изучение и возможность доказательного познания. С этих позиций социологического изучения науки чрезвычайно информативно обращение к Институту русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, созданному в 1990 г., и его правопреемнику — основанному в 1995 г. Центру русистики, действующему под постоянным руководством профессора Дюлы Свака.

Во-первых, создание Центра (Института) — стало результатом той глубокой социальной и политической трансформации, которую Центральная и Восточная Европа переживала после краха СССР и крушения коммунизма во всемирном масштабе, поставив перед научной мыслью этих стран, ранее всецело вовлеченных в орбиту советского влия-

ния, проблему поиска идентичности и новых методологических ориентиров. К чести Центра, нужно сказать, он решал эту задачу не с позиций примитивного отрицания прошлого в угоду новой политической конъюнктуре, но по линии поиска преемственности и сохранения всех лучших научных традиций, которые были накоплены в прошлой, пусть нелегкой и противоречивой, деятельности историков Венгрии. В результате, по завершении постсоветского цикла преобразований, когда консервативный тренд вновь стал доминирующим в венгерском обществе и политической системе, ученые оказались способны противопоставить этой популистской волне вполне выверенные и рациональные критические аргументы, имплицитно включающие переосмысление разных стадий истории Восточной Европы.

Во-вторых, принципиальным фактором является длительность существования Центра, действующего уже более четверти века, причем речь идет не о формальной институциональной стабильности (которая часто имеет место), но, что встречается значительно реже, — о преемственности программы и последовательных действиях по ее осуществлению — венгерская русистика стала органической частью венгерской и международной исторической науки. Это позволяет говорить о преемственности научной школы — совместной работе ряда поколений венгерских ученых-русистов, вовлеченных в изучение исторических источников древней, новой и новейшей истории России, сравнительные кросс-культурные и национальные исследования, педагогическую практику и вообще просветительскую деятельность в этой сфере, крайне важную для серьезного анализа существующих проблем России и всего региона Центральной и Восточной Европы.

В-третьих, обращает на себя внимание открытость Центра новым идеям и экспериментированию, без которых немислима современная наука и поддержание интеллектуальной свободы. В этом отношении роль Центра уникальна: он

объединяет представителей научных школ условных Запада и Востока, исходит из необходимости диалога между ними, часто трудного из-за сохраняющихся стереотипов и взаимных исторических претензий, выполняет роль посредника между исследователями стран Центральной и Восточной Европы, стремится активно интегрировать ученых из России и других государств постсоветского региона, которые, в свою очередь, заняты мучительным поиском идентичности и методологических ориентиров в глобализирующемся мире. В этом отношении важно сохранение классических академических традиций, основанных на знании, поиске доказательных аргументов и толерантном ведении дискуссии с оппонентами вопреки растущей тенденции к политизации науки и ее институтов¹.

Решению этих задач способствует, на мой взгляд, ряд условий: с одной стороны, особое положение Венгрии и ее научной школы в Восточной Европе, позволяющее достаточно отстраненно комментировать сложные проблемы взаимных отношений (возможно, здесь сказывается и историческое место Венгрии в Австро-Венгерской империи, а также внутри Советского блока, где она была наиболее либеральным государством); с другой — интерес к сравнительным и вообще кросс-культурным исследованиям, выводящим ученых из узких национальных рамок и стереотипов и ведущим к отказу от догматизма и локального патриотизма (это направление реализуется в периодических международных конференциях с участием ученых из всех регионов мира); с третьей, отстраненный, ценностно-беспристрастный подход к вопросам, сохраняющим высокий уровень эмоционального напряжения (как, например, отношения империй и их бывшей периферии, проблемы войны и мира, противоречия исторической традиции и революции, параметры становления новых национальных государств, межнациональных и конфессиональных

¹ Историческое знание как фактор развития. М., 2014.

конфликтов)¹. Судьба двух империй — Российской и Австро-Венгерской — вообще стала центральной для историков двух стран². В этом контексте получает объяснение тематика публикаций Центра, круг используемых методов и приоритетные направления исследований. Среди них — сравнительная реконструкция российского социума, образ России и его репрезентация в информационном пространстве; анализ представлений глобальной русистики и ее выдающихся представителей.

Первое из этих направлений отражено сборником трудов — «Место России в Европе и Азии» (2010), выпущенным Центром русистики Будапештского университета в ознаменование 15-летия его деятельности, и поставившим целью проследить сквозные линии русского исторического процесса³. Среди ключевых тем — вопросы культурной идентичности и преемственности в российской истории (византийское, татарское и западное наследие); конфессиональной и церковной составляющей в национальном развитии; вызовы и ответы национальному развитию со стороны других народов и государств; проблемы межнациональных отношений — социальной и культурной адаптации народов в процессе завоевания и хозяйственного освоения территории империи. Вполне естественно эта проблематика вызвала к жизни темы границ империи и их расширения — отношения с государствами Западной и Восточной Европы и Азии, которая получила раскрытие с позиций «ментальной географии» — того, как иностранные (в частности, английские) путешественники,

¹ Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest: Russica Pannonicana, 2009.

² Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до заката. М.: РАН, 2006. См. также: Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская Панорама, 2011.

³ Место России в Европе и Азии. Будапешт – Москва, 2010.

воспринимали появление соперницы Британской империи, как они оценивали особенности политического, социального и экономического устройства государства. В контексте географической и политической истории Нового и Новейшего времени анализируются направления колонизации (Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия), борьба с другими государствами за выход к рынкам, технологии власти и управления в сравнительной перспективе.

Авторы сборника не боятся ставить вопросы «метафизического» характера — места России в отношениях с Западом и Востоком, влияние географического фактора на развитие социума, роль рек и водных массивов, характер климата и их влияние на социальную психологию и хозяйственную этику населения страны. Ряд фундаментальных вопросов — принятия православия, соотношения собственности и власти, поместно-вотчинной системы, формирования боярской аристократии, модернизации и европеизации России в Новое и Новейшее время — призваны отразить особенности социальных процессов в России по сравнению с Европой и Азией. Постановка этих вопросов связана с обращением к основным представителям русской дореволюционной литературы. Позиции авторов в этом смысле продолжают основные дебаты классической русской историографии — западников и славянофилов, марксистов и народников, сторонников государственной школы и евразийцев, современных сторонников модернизации и почвенников.

Возникает общая проблема: как преодолеть дискуссии между исследователями разных стран, где каждая сторона опирается на привычные историографические конструкции и иногда не слышит оппонентов. Это возможно, как справедливо считают авторы, лишь по линии совершенствования категориального аппарата и расширения доказательной базы. Критически анализируя устоявшиеся парадигмы, объясняющие русский исторический процесс или его особенности, авторы смело обращаются к сравнительным параллелям, типо-

логии реформ (одни ориентированы на прошлое, другие — на будущее) и противопоставлению реформаторов-архаистов и реформаторов-новаторов, анализу основных идеологем русской истории. В целом представлено полезное переосмысление классических теорий и современных школ (в том числе — региональных)¹, осуществляется освоение этого наследия венгерской русистики. Эти подходы чрезвычайно актуальны при обращении к проблемам новейшей истории, в том числе тем, которые длительное время становились объектом политизированных оценок².

Второе исследовательское направление представлено сборником трудов — «Образ России с Центрально-европейским акцентом» (2010), в рамках которого осуществлена смелая попытка преодолеть исторические деформации общественного сознания стран региона в отношении «восточного соседа»³. Принципиален общий вывод данного труда, сохраняющий свою актуальность: образ России в странах Центральной и Восточной Европы является искаженным, этот искаженный образ выполняет определенную функцию — воспроизводит до сих пор узнаваемый массовым сознанием образ врага (в странах Западной Европы), служит для проведения психотерапии с собственным населением (например, в Польше), или способствует оправданию собственных неудач, а также легитимирует специфические националистические и этнические конструкции и предпринимаемые элитами попытки пересмотра истории (например, в Прибалтике и на Украине), наконец, выполняет определенные мобилизационные функции (например, для обоснования ускоренного курса на евроинтеграцию или решения вопроса о вступлении в НА-

¹ См. также: Региональные школы русской историографии. Budapest, 2007.

² См.: Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989. СПб., 2010.

³ Образ России с Центрально-европейским акцентом. Будапешт: Вышеградский форум, 2010.

ТО). В целом, адекватный реальности имидж России становится значимым элементом в обеспечении доверия в регионе: «Тот, кто когда-либо имел дело с русскими, — резюмирует эту дискуссию Д. Свак, — точно знает, что отрицательное мнение, которое русские часто составляют о самих себе, не является достаточной причиной для того, чтобы и другие разделяли эту оценку»¹.

Фактор манипулирования историей (в том числе подчеркнутое внимание к одним фактам в ущерб другим) для достижения политических целей часто ведет к неожиданным последствиям. Этим вызвана парадоксальность ряда историографических конструкций в странах региона: те, кто рассматривает советское государство как колониальную империю, должны признать, что, следовательно, являлись колониями и не должны удивляться, если российская историография начинает смотреть на них теми же глазами; те, кто сознательно примитивизирует российский политический процесс в истории и современности для доказательства того, что Россия не знала альтернативы авторитаризму и не имела гражданского общества, не могут рассчитывать на иной подход, кроме как подход с позиций силы. Следовательно, создаваемые историографией образы прошлого с положительным или отрицательным значением — важный самостоятельный ресурс современной политики. Особое место в начавшемся переосмыслении истории региона занимает Венгрия, что объясняется тремя причинами:

- 1) традиционно интеллигенция этой страны более чувствительна в отношении к новизне;
- 2) Венгрия всегда играла роль посредника или связующего звена между Россией и Западом;

¹ Свак, Д. Россия и ее имидж // Там же. С. 13.

- 3) наконец, конфликты этих стран в истории не настолько остры, чтобы помешать прагматичным отношениям на современном этапе¹.

Не случайно, поэтому, именно историки венгерского Центра русистики вполне определенно поставили задачу пересмотра «русской парадигмы» в западной историографии².

Третье приоритетное направление Центра — переосмысление источниковедческой базы и историографии русских исследований. Примером может служить книга «Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе» (2012)³. Здесь представлена широкая палитра современных исследований русских источников и иностранных источников о России — различных видов, форм, авторства и происхождения, неодинаковой степени изученности, а также вклада различных историографических школ в их исследование. Среди основных видов источников фигурируют — летописание, законодательство, записки иностранцев, дипломатические документы, мемуаристика, публицистика, охватывающие разные периоды русской истории — с древности до настоящего времени.

Однако лейтмотивом данного труда стала реконструкция позиции историка, — неважно, древнего хрониста или современного ученого, — в потоке времени: попытка выяснить, каким образом возникают и сменяют друг друга различные подходы к конструированию картины прошлого, как

¹ Образ России с Центрально-европейским акцентом: к материалам симпозиума Центра русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша // Образ России с Центрально-европейским акцентом. 2010. С. 157-169.

² Медушевский А.Н. «Русская парадигма» и ее переосмысление в историографии стран Центральной и Восточной Европы: К 15-летию Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша // Российская история 3 (2011). С. 168-174.

³ Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest, 2012.

она связана с представлениями о настоящем (влиянием доминирующих религиозных, идеологических и политических конструкций) и представлениями о будущем (точнее, различными проекциями прошлого в будущее), изменением методологии исторического познания, состоянием источниковедческой базы, а следовательно, тем масштабом задач этого познания, которые способны решить ученые.

Новизна состоит в сопоставлении подходов историков разных стран, действовавших в разные периоды времени, сталкивавшихся с различными трудностями и обобщавших опыт их преодоления. В этом смысле — решалась задача самопознания исторической науки, превращения ее в рефлексирующий инструмент, способный не только накапливать знания о прошлом и формулировать гипотезы, но и предлагать сообществу значимые профессиональные выводы о методе науки. В результате этой работы выяснилось, что преодоление историографических стереотипов позволит «со свежей головой определять новые темы исследований и с новыми силами приступить к их изучению».

Именно так, «со свежей головой», профессор Свак предлагает осуществить критический пересмотр стереотипов исторического сознания, в особенности, иных культур и исторических традиций. Об этом свидетельствует одна из его книг, переведенная на русский язык — «Русская парадигма», которая представляет сборник статей последних лет и посвящена сходной проблематике¹. Книга включает публицистический подзаголовок: «руссофобские заметки русофила» и, действительно, в одной из последних статей автор стремится решить вопрос о генезисе руссофобии, истоки которой, как он считает, восходят к эпохе формирования наций в Европе и стремлению иностранных наблюдателей объяснить непривычные черты чужой культуры. Он дает следующее точное

¹ Свак, Д. Русская парадигма. Руссофобские заметки русофила. СПб.: Алетей, 2010.

определение русофобии: «Совокупность управляемых политических и властными интересами стереотипов, представляющих все русское в отрицательном свете»¹. Наряду с другими фобиями, имевшими место в истории (юдофобия, герmanoфобия, туркофобия, венгерофобия и прочее), — данный феномен выражает примитивные стереотипы сознания, носители которых озабочены поиском врага как способом самоутверждения в меняющемся мире. Анализ данных стереотипов (как, впрочем, и их противоположности в виде подчеркнутой любви к определенным нациям — «филий») составляет предмет особого направления современной историографии — истории общественного сознания и смены его ценностных приоритетов (аксиологический аспект исторического восприятия).

Важной стороной этого критического историко-антропологического анализа становится обращение к социальной психологии, исторически обусловленным формам и стереотипам сознания населения, которые, с одной стороны, определяют его поведение в критические периоды истории, но, с другой, имеют огромный инерционный потенциал, неоднократно усиливаясь в результате их тиражирования современными средствами массовой информации и пропаганды. Отметим важность наблюдений автора о состоянии русских исследований в мире и месте венгерской историографии в них:

«Русистика как наука, — подчеркивает Д. Свак, — глобализирована. И все же я думаю, что нам стоит отыскать свое место между европейской и американской, то есть не русскоязычной русистикой, с одной стороны, и российской, т.е. русскоязычной, — с другой»².

Это непростая задача, но она, безусловно, заслуживает поддержки со стороны российских ученых.

¹ Свак, Д. Указ. соч. С. 129.

² Свак, Д. Указ. соч. С. 171.

Это позволяет говорить об особом социологическом профиле научной школы Центра, отраженном в научных конференциях, десятках изданных книг, а также составе его научного корпуса, сформировавшего новое поколение специалистов по русской истории и культуре. Среди ученых, с которыми мне довелось взаимодействовать в Центре, были представители старшего поколения, воспитанные в традициях марксистской мысли, но стремящиеся к ее новой недогматической интерпретации (в духе идей известной венгерской «ревизионистской» школы марксизма), но также молодые исследователи, сформировавшиеся в постсоветский период, хорошо знакомые с англо-саксонской и немецкой историографией и стремящиеся экспериментировать с новыми методами исторического познания. Конечно, между ними на всех конференциях шли дискуссии, имевшие особенно острый характер в 1990-е годы, однако, по моим наблюдениям, они никогда не выходили за рамки научной этики и аргументированного обсуждения самых острых вопросов (таких, например, как имперское наследие двух стран, русская революция 1917 г., сталинизм, венгерская революция 1956 г., распад СССР, международная политика Новейшего времени). Различие позиций выражалось скорее в споре о методах, выборе исследовательских тем, стиле выступлений, который, при всей эмоциональности некоторых споров, оставлял место для фактов, логических заключений, иногда сопровождавшихся остроумными ироническими замечаниями. Такая полемика возможна только ввиду знания темы, хорошей лингвистической подготовки (знание русского языка, тем более, сложного языка исторических источников), ощущения общих исследовательских традиций и представлений о миссии научной школы.

Создание научной школы и поддержание ее преемственности — несомненная заслуга ее лидера, руководителя Центра Дюлы Свака. Проф. Свак рассказывал, что его учителями были одновременно известный венгерский ученый —

создатель школы компаративистского изучения истории Восточной Европы Йозеф Перени и русский ученый — автор известных трудов об эпохе Ивана Грозного Р.Г. Скрынников, представлявшие лучшие академические традиции национальных исторических школ, восходящие к классикам европейской науки XIX–XX вв. Этим объясняется избранная тематика исследований (уход в медиевистику был вполне понятным выбором в условиях тотальной идеологизации науки), признание значения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как основы исторического познания, возможность «изнутри» понять сложные пути развития историографии советского периода, где были жесткие ограничения и идеологические преследования, но была и наука, т.е. стремление анализировать исторические события и процессы на уровне понимания смысла и даже поиска закономерностей общественного развития. Эти представления отразились в организации и работе Центра русистики — компаративистике, знании иностранной (и прежде всего русской) историографии и источниковедения, отказе от идеологического доктринерства всех видов и понимании значения свободного обмена идеями.

Размышляя о соотношении традиции и изменений в истории Д. Свак, как мне показалось из бесед с ним, стоит на позициях «хорошо информированного пессимиста», подтверждая известную истину о том, что многие знания умножают скорбь. Возможно, его скептицизм в отношении модернизации и европеизации навеян современными политическими процессами в России и особенно Венгрии, постсоветское развитие которой в условиях евроинтеграции и последующего экономического спада оказалось далеко от той гармонической картины, которую рисовали идеологи данного процесса в начале перемен 90-х гг. XX века. Очевидно, что анализ именно этой «реальности» заставляет его с сомнением отнести к идеологически детерминированным преобразованиям и попыткам осуществить их на практике, — как в ис-

тории, так и современности, — не считаясь с длительной исторической традицией. Такой подход был продемонстрирован в решении сложных проблем — конструировании и критике таких общих понятий как «феодализм», «империализм», «империя», «модернизация», в частности, в нашем заочном споре с профессором Сваком о природе и динамике русского абсолютизма и значении реформ Петра Великого.

Существенное значение в этих дискуссиях имеет не только содержание, но стиль споров и готовность выслушать все точки зрения. В моем случае эта толерантность проявилась в готовности проф. Свака и его коллег поддержать меня в условиях острого конфликта с российской академической бюрократией и подвергшим меня остракизму руководством Института российской истории. Он, вполне в духе либерального плюрализма, санкционировал публикацию в венгерском издании моей статьи, содержавшей альтернативную концепцию журнала «Российская история» и мое видение путей развития русской исторической науки¹.

И это — в разгар конфликта и на конференции, где был представлен одиозный бюрократический Ареопаг во главе с директором ИРИ РАН, с которым мне пришлось иметь тогда дело! Это решение — дорогого стоит.

Эти общие социологические характеристики Центра рустистики и его школы позволяют определить его как вполне состоявшийся и очень значимый институт международного научного сообщества, опирающийся на выверенную концепцию организации научных исследований и обретший собственную, неповторимую, идентичность в мире научных исследований по русской истории. В публикациях Центра представлен особый историко-антропологический подход,

¹ Медушевский А.Н. Мои бои за историю: как я был главным редактором журнала «Российская история» // Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest, 2012. С. 299-311.

отличный как от западной, так и российской историографии, и, что особенно важно, — отличный от историографии ряда других постсоветских стран Центральной и Восточной Европы, продолжающей вращаться в кругу старых представлений, схем и обид. Можно констатировать, что этот подход ищет основу реалистичной оценки исторических явлений, преодоления национальных конфликтов, способствует взаимному пониманию исследователей разных стран, стимулирует мысль и заставляет искать новые и нестандартные объяснения исторического прошлого.

